

Наталья Абрамцева: А звездочки падают?

(knižně 2007)

Щенок Тявка ловил звездочки. Тявка был совсем маленький, а потому считал: поймать звездочку не так уж и трудно. Тявка жил на даче. Забор дачи ему очень мешал. Вот слетает с неба звезда, и Тявка несется по влажной ночной траве, по грядкам, по клумбе, пробирается через крапиву

туда, где должна лежать упавшая звездочка, и вдруг — забор. «Оказывается, звездочка упала по ту сторону забора», — огорчился Тявка.

Тявка совсем избегался. Однажды, в который раз стукнувшись носом о забор, щенок решил немного отдохнуть и прилег тут же. Послышался смех. Тявка поднял голову и увидел на заборе соседского кота. Кот прямо-таки давился смехом.

— Глупый щенок! Совсем глупый! Что это ты делаешь?

— Я? Я ловлю звездочки, — ответил Тявка, — вернее, хочу поймать хотя бы одну. Но они всё падают не там, где нужно. За забором падают. Кот снова рассмеялся:

— Глупый щенок! Совсем глупый! •

— Почему? Почему я глупый? Я просто не умею прыгать через забор. Кот сидел на заборе и ухмылялся:

— Да потому ты глупый, что ловишь то, чего нельзя поймать!

— Нельзя?

— Конечно, нельзя, — важно говорил Кот, — ты уж мне поверь. Я долго жил в библиотеке и начитался всяких научных книг.

— Ну и что? — возразил Тявка. — При чем здесь книги? Что в них написано о звездочках?

— Да хотя бы то, что звезды вообще не падают.

— Ну уж нет! Еще как падают! Сегодня уже четыре штуки упали!

— Вовсе это не звезды! — Кот начинал сердиться.

— Как же не звезды? Звезды — они и есть звезды, — спорил Тявка. Чересчур умный Кот устало вздохнул:

— Ну как же объяснить тебе попонятнее? Это не звезды. Это такие большие камни, которые летают очень высоко. Выше Луны. И когда падают на Землю, трутся о воздух и сгорают. Понятно?

— Понятно. Понятно, что все это че-пу-ха. Камни летают, сгорают - ерунда! Вы какие то неправильные книги читали, уважаемый Кот. Я пошел ловить звездочки. Пока!

И Тявка убежал. Кот смотрел ему вслед и качал головой.

"Маленький еще. Подрастет - разберется".

А Тявке было жаль Кота. "Бедный Кот, - думал он, совсем свихнулся от своей учености. Звезду от камня отличить не может".

Сергей Козлов: ЕЖИК В ТУМАНЕ

(книжнѣ 1989)

Тридцать комариков выбежали на поляну и заиграли на своих писклявых скрипках.

Из-за туч вышла луна и, улыбаясь, поплыла по небу.

"Ммм-у!.." - вздохнула корова за рекой. Залаяла собака, и сорок лунных зайцев побежали по дорожке.

Над рекой поднялся туман, и грустная белая лошадь утонула в нем по грудь, и теперь казалось - большая белая утка плывет в тумане и, отфыркиваясь, опускает в него голову.

Ежик сидел на горке под сосной и смотрел на освещенную лунным светом долину, затопленную туманом.

Красиво было так, что он время от времени вздрагивал: не снится ли ему все это?

А комарики не уставали играть на своих скрипочках, лунные зайцы плясали, а собака выла.

"Расскажу - не поверят!" - подумал Ежик, и стал смотреть еще внимательнее, чтобы запомнить до последней травинки всю красоту.

"Вот и звезда упала, - заметил он, - и трава наклонилась влево, и от елки осталась одна вершина, и теперь она плывет рядом с лошадью... А интересно, - думал Ежик, - если лошадь ляжет спать, она захлебнется в тумане?"

И он стал медленно спускаться с горы, чтобы тоже попасть в туман и посмотреть, как там внутри.

- Вот, - сказал Ежик. - Ничего не видно. И даже лапы не видно. Лошадь! - позвал он. Но лошадь ничего не сказала.

"Где же лошадь?" - подумал Ежик. И пополз прямо. Вокруг было глухо, темно и мокро, лишь высоко сверху сумрак слабо светился.

Полз он долго-долго и вдруг почувствовал, что земли под ним нет, и он куда-то летит. Бултых!..

"Я в реке!" - сообразил Ежик, похолодев от страха. И стал бить лапами во все стороны.

Когда он вынырнула, было по-прежнему темно, и Ежик даже не знал, где берег.

"Пускай река сама несет меня!" - решил он.

Как мог, глубоко вздохнул, и его понесло вниз по течению.

Река шуршала камышами, бурлила на перекатах, и Ежик чувствовал, что совсем промок и скоро утонет.

Вдруг кто-то дотронулся до его задней лапы.

- Извините, - беззвучно сказал кто-то, кто вы и как сюда попали?

- Я - Ежик, - тоже беззвучно ответил Ежик. - Я упал в реку.

- Тогда садитесь ко мне на спину, - беззвучно проговорил кто-то. - Я отвезу вас на берег.

Ежик сел на чью-то узкую скользкую спину и через минуту оказался на берегу.

- Спасибо! - вслух сказал он.

- Не за что! - беззвучно выговорил кто-то, кого Ежик даже не видел, и пропал в волнах.

"Вот так история... - размышлял Ежику, отряхиваясь. - Разве кто поверит?!"

И заковывал в тумане.

Виктор Драгунский
Денискины рассказы
(knižně poprvé 1961)

Он живой и светится

Однажды вечером я сидел во дворе, возле песка, и ждал маму. Она, наверно, задерживалась в институте, или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам и уже, наверно, пили чай с бубликами и брынзой, а моей мамы всё ещё не было...

И вот уже стали зажигаться в окнах огоньки, и радио заиграло музыку, и в небе задвигались тёмные облака – они были похожи на бородатых стариков...

Мне захотелось есть, а мамы всё не было, и я подумал, что, если бы я знал, что моя мама хочет есть и ждёт меня где-то на краю света, я бы моментально к ней побежал, а не опаздывал бы и не заставлял её сидеть на песке и скучать.

И в это время во двор вышел Мишка. Он сказал:

– Здорово!

И я сказал:

– Здорово!

Мишка сел рядом и взял в руки самосвал.

– Ого! – сказал Мишка. – Где достал? А он сам набирает песок? Не сам? А сам сваливает? Да? А ручка? Для чего она? Её можно вертеть? Да? А? Ого! Дашь мне его домой?

Я сказал:

– Нет, домой не дам. Подарок. Папа подарил перед отъездом.

Мишка надулся и отодвинулся от меня. На дворе стало ещё темнее. Я смотрел на ворота, чтоб не пропустить, когда придёт мама. Но она всё не шла. Видно, встретила тётю Розу, и они стоят и разговаривают и даже не думают про меня. Я лёг на песок.

Тут Мишка говорит:

– Не дашь самосвал?

Я говорю:

– Отвяжись, Мишка!

Тогда Мишка говорит:

– Я тебе за него могу дать одну Гватемалу и два Барбадоса.

Я говорю:

– Сравнил Барбадос с самосвалом...

А Мишка:

– Ну, хочешь, я дам тебе плавательный круг?

Я говорю:

– Он у тебя лопнутый.

А Мишка:

– Ты его заклеишь.

Я даже рассердился:

– А плавать где? В ванной? По вторникам?

И Мишка опять надулся. А потом говорит:

– Ну, была не была! Знай мою доброту! На! И он протянул мне коробочку от спичек. Я взял её в руки.

– Ты открой её, – сказал Мишка, – тогда увидишь!

Я открыл коробочку и сперва ничего не увидел, а потом увидел маленький светло-зелёный огонёк, как будто где-то далеко-далеко от меня горела крошечная звёздочка, и в то же время я сам держал её сейчас в руках.

– Что это, Мишка, – сказал я шёпотом, – что это такое?

– Это светлячок, – сказал Мишка. – Что, хорош? Он живой, не думай.

– Мишка, – сказал я, – бери мой самосвал, хочешь? Навсегда бери, насовсем! А мне отдай эту звёздочку, я её домой возьму...

И Мишка схватил мой самосвал и побежал домой. А я остался со своим светлячком, глядел на него, глядел и никак не мог наглядеться: какой он зелёный, словно в сказке, и как он хоть и близко, на ладони, а светит, словно издалека... И я не мог ровно дышать, и я слышал, как быстро стучит моё сердце и чуть-чуть колет в носу, как будто хочется плакать.

И я долго так сидел, очень долго. И никого не было вокруг. И я забыл про всех на белом свете.

Но тут пришла мама, и я очень обрадовался, и мы пошли домой. А когда стали пить чай с бубликами и брынзой, мама спросила:

– Ну, как твой самосвал?

А я сказал:

- Я, мама, променял его. Мама сказала:

- Интересно! А на что?

Я ответил:

- На светлячка! Вот он, в коробочке живёт. Погаси-ка свет!

И мама погасила свет, и в комнате стало темно, и мы стали вдвоём смотреть на бледно-зелёную звёздочку.

Потом мама зажгла свет.

- Да, - сказала она, - это волшебство! Но всё-таки как ты решился отдать такую ценную вещь, как самосвал, за этого червячка?

- Я так долго ждал тебя, - сказал я, - и мне было так скучно, а этот светлячок, он оказался лучше любого самосвала на свете.

Мама пристально посмотрела на меня и спросила:

- А чем же, чем же именно он лучше?

Я сказал:

- Да как же ты не понимаешь?! Ведь он живой! И светится!..

Геннадий Цыферов: Про чудака лягушонка

Сказка первая

Однажды лягушонок сидел у реки и смотрел, как в голубой воде плавает жёлтое солнышко. А потом пришёл ветер и сказал: "Ду". И по реке и по солнышку пошли морщинки. Рассердился тут ветер и сказал ещё раз: "Ду, ду, ду". Очень сильно. Он, видимо, хотел разгладить морщинки, но их стало больше.

И тут рассердился лягушонок. Он взял прутик и сказал ветру: "А я тебя прогоню. Ты зачем морщишь воду и любимое солнышко?"

И он погнал ветер, погнал через лес, через поле, через большую жёлтую канаву. Он гнал его в горы, где пасутся козы и овцы.

И весь день там лягушонок скакал за ветром и махал прутиком. Кто-то думал: он отгоняет пчёл. Кто-то думал: он пугает птиц. Но он никого и ничего не пугал.

Он был маленький. Он был чудака. Просто скакал в горах и пас ветер.

Сказка вторая

А вчера в гости к лягушонку пришла рыжая корова. Помычала, покачала умной головой и вдруг спросила: "Простите, зелёный, а что бы вы стали делать, если бы вы были рыжей коровой?"

- Не знаю, но мне почему-то не очень хочется быть рыжей коровой.

- А всё-таки?

- Я всё равно бы перекрасился из рыжего в зелёный.

- Ну, а затем?

- Затем я отпилил бы рожки.

- А зачем?

- Чтобы не бодаться.

- Ну, а потом?

- Потом я подпилил бы ножки... Чтобы не лягаться.

- Ну, а потом, потом?

- Потом бы я сказал: "Посмотрите, ну какая я корова? Я просто маленький зелёный лягушонок".

Сказка третья

Наверное, он всю жизнь был бы маленьким, но однажды случилось вот что.

Каждый знает, что он ищет. А что искал лягушонок, он и сам не знал.

Может быть, маму; может быть, папу; а может быть, бабушку или дедушку.

На лугу он увидел большую корову.

- Корова, корова, - сказал он ей, - а ты хочешь быть моей мамой?

- Ну что ты, - замычала корова. - Я большая, а ты такой маленький!

На реке он встретил бегемота.

- Бегемот, бегемот, ты будешь моим папой?

- Ну что ты, - зачмокал бегемот. - Я большой, а ты маленький!..

Медведь не захотел стать дедушкой. И здесь лягушонок рассердился. Он нашёл в траве маленького кузнечика и сказал ему:

- Ну вот что! Я - большой, а ты маленький. И всё равно я буду твоим папой.

Людмила Петрушевская. Лингвистические сказочки

ПУСЬКИ БЯТЫЕ

(1984)

Сяпала Калуша с Калушатами по напушке. И увазила Бутявку, и волит:
– Калушата! Калушаточки! Бутявка!
Калушата присяпали и Бутявку стрямкали. И подудонились.
А Калуша волит:
– Оее! Оее! Бутявка-то некузявая!
Калушата Бутявку выгучили.
Бутявка вздрезбунулась, сопритюкнулась и усяпала с напушки.
А Калуша волит калушатам:
– Калушаточки! Не трямкайте бутявок, бутявки дюбые и зюмо-зюмо некузявые.
От бутявок дудонятся.
А Бутявка волит за напушкой:
– Калушата подудонились! Зюмо некузявые! Пуськи бятые!

Виктор Кротов: Паутина по-научному

(книжнѣ 2006)

Жук Дормидонт однажды забежал к червячку Игнатию выпить с ним чашечку чая. Сидят они, пьют чай, а жук говорит:
– Ты столько всего умеешь, червячок Игнатий. И землю рыхлишь, и книжки читаешь, и во всякой другой культурной жизни разбираешься. Знаешь, я тоже хочу чему-нибудь новому научиться. Какому-нибудь мастерству. Например, паутину плести. Ты не попросишь паука Пафнутия со мной этим делом позаниматься?
– Могу, конечно, попросить, – отвечает червячок. – Только почему ты сам не скажешь ему? Ты ведь не хуже меня знаком с пауком Пафнутием.
– К моей просьбе он несерьёзно отнесётся, я знаю, – проворчал жук Дормидонт. – Подумает, что я просто развлекаться хочу. А я хочу не как-нибудь учиться, а по-научному.
– Как это, по-научному? – заинтересовался червячок Игнатий.
– Это значит во всём подробно разобраться. Чтобы я точно знал, что и как делать надо. Как паутина устроена, какие узлы бывают, каким способом плетение происходит, ну и всякое такое. Мне нужен основательный подход, научный. Такой уж у меня характер. Значит, не я сам должен просить паука Пафнутия, а кто-то другой. Для солидности.
– Это ты меня солидным считаешь? – червячок Игнатий так развеселился, что в эту минуту и в самом деле никто не назвал бы его солидным. – Ну, ладно, ладно. Пойдём договариваться.
– Прямо сейчас? – удивился жук Дормидонт.
– Конечно. «Сейчас» – это самое лучшее время, чтобы делать то, на что решился.

– Здравствуй, паук Пафнутий, – стараясь быть солидным, сказал червячок Игнатий. – Я хочу тебе сообщить, если не знаешь, что твоё паутинное искусство очень ценится всеми вокруг. К тебе даже просятся в ученики. И не кто-нибудь, а сам жук Дормидонт. Надеюсь, ты не откажешься поделиться с ним секретами своего мастерства?

Паук Пафнутий замер от неожиданности. То ли он был поражён тем, что у него хотят научиться его любимому искусству, то ли тем, что учеником хочет быть жук Дормидонт, но он смог выдать из себя только одно слово:

– Когда?..

– Сейчас! – хором ответили жук Дормидонт и червячок Игнатий.

А жук Дормидонт добавил:

– «Сейчас» – это самое лучшее время, чтобы делать то, на что решился.

«Вот как возникают крылатые выражения, – с гордостью подумал червячок Игнатий. – Это когда твою фразу начинают повторять как великое изречение. Правда, я и сам её где-то вычитал...»

Тем временем паук Пафнутий помолчал, подумал, а потом кивнул головой. Почему бы не поучить другого тому, что тебе самому так нравится делать?

Червячок Игнатий не хотел им мешать и отправился пока прогуляться неподалёку. Хотя ему было интересно, как жук Дормидонт будет заниматься по-научному, но он не хотел мешать ни учителю, ни ученику.

Он глубоко задумался о крылатых выражениях и о том, на каких таких крыльях они перелетают от одного к другому, как вдруг его внимание привлекли голоса паука Пафнутия и жука Дормидонта, которые становились всё громче.

«Что-то у них не так, – понял червячок Игнатий. – Надо туда наведаться».

Что-то и в самом деле было не так. Большая красивая паутина, которую паук Пафнутий выплетал много дней, вся перекосилась. Пафнутий в панике пытался закрепить то один её край, то другой, а жук Дормидонт, весь облепленный обрывками паутинок, пытался развязать хитроумно завязанный узел. Несколько узлов ему, видимо, уже удалось развязать. «А может быть, разорвать?» – озабоченно подумал червячок Игнатий. Этим и объяснялось плачевное состояние кружевной паутины.

– Червячок Игнатий! – горестно воскрикнул расстроенный паук. – Пожалуйста, уйми поскорее моего любознательного ученика. Он хочет всё разобрать на части!

– Червячок Игнатий! – возмущённо зашумел в ответ жук Дормидонт. – Пожалуйста, объясни моему уважаемому учителю, чтобы он не мешал мне заниматься по-научному. Я же должен во всём РАЗОБРАТЬСЯ! А как же можно это сделать, если не РАЗОБРАТЬ то, что тебе показывают?

– Ну куда же это годится? – паук Пафнутий чуть не плакал. – Я показываю ему, как СПЛЕТАТЬ паутину по-художественному, а он вместо этого только и знает, что РАСПЛЕТАЕТ мою работу!

– Зачем же мне по-художественному? – удивлялся жук Дормидонт. – Я же не художник. Мне нужно по-научному. По-научному во всём можно разобраться.

– Ты так и меня, чего доброго, начнёшь разбирать! – возмущался паук Пафнутий. – Не зря ведь уже начал расспрашивать, как мой организм паутину вырабатывает.

Много сил приложил червячок Игнатий, чтобы успокоить друзей. Он посоветовал им пока не пытаться продолжать занятия и хотел позвать обоих к себе в норку попить чаю. Но паук Пафнутий сказал, что никуда не уйдёт, пока хоть как-нибудь не отремонтирует повреждённую паутину.

Так и получилось, что червячок Игнатий и жук Дормидонт снова сидели за чаем вдвоём.

Червячок Игнатий всё старался объяснить жуку Дормидонту, что учителю виднее, как передавать ученику своё искусство, и что вовсе не обязательно всё разбирать на части, чтобы понять, как оно устроено. Но жук Дормидонт был погружён в свои мысли.

И только собравшись уходить, жук почесал в затылке и промолвил:

– Да, не с паутины надо было начинать, а с паука Пафнутия. Как же он всё-таки устроен, с научной точки зрения?..

«Жука Дормидонта с его научным подходом не исправишь, – размышлял червячок Игнатий после того, как жук ушёл. – Но ведь вовсе не ко всему нужно относиться по-научному. Пойду-ка я к пауку Пафнутию, скажу, чтобы не унывал. У него обязательно появятся ученики, которые будут учиться по-художественному. И тоже станут прекрасными мастерами паутинного плетения».